

Социокультурная деятельность Российского Императорского консульства в Инкоу (Китай) в период Временного русского управления (1900–1904 гг.)*

В. Г. Шаронова

Институт российской истории РАН,
Российская Федерация, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Шаронова В. Г. Социокультурная деятельность Российского Императорского консульства в Инкоу (Китай) в период временного русского управления (1900–1904 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 3. С. 396–414. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.302>

Начиная с середины 1890-х годов в сферу политических интересов Российской империи в Китае попала Маньчжурия. В течение 1896–1898 гг. был заключен ряд российско-китайских договоров о взаимном сотрудничестве, строительстве Китайско-Восточной железной дороги, Русско-Китайском банке, аренде китайских территорий и т. д. Находящийся на побережье реки Ляохэ в Южной Маньчжурии город Инкоу имел большое значение в этом взаимовыгодном процессе. Инкоу — трактатный порт, который называли «Ворота Маньчжурии», известен с 1861 г. как центр «джоночной» торговли и коммерческой деятельности. Русское присутствие усилилось здесь с 1896 г., а в 1899 г. было открыто Российское Императорское консульство. Город играл важную роль в экономическом и политическом сотрудничестве в период строительства Порт-Артура и Дальнего. С 1900 г. в Инкоу введен порядок Временного русского управления, что значительно усилило позиции России в регионе. На должности градоначальников были назначены дипломаты — русские консулы в городе-порте А. Н. Тимченко-Островерхов и В. Ф. Гроссе. Среди многочисленных задач, связанных с решением дипломатических, коммерческих и организационных вопросов, были вопросы социокультурной деятельности. Подробно изложены и проанализированы инициированные и проведенные в Инкоу, в основном за счет российских средств, многочисленные мероприятия, связанные с улучшением противоэпидемиологической обстановки, борьбой с чумой и конкретными мерами по улучшению санитарного состояния города. Рассматриваются вопросы улучшения городской инфраструктуры, безопасности и социальной сферы, ведется речь об открытии русско-китайской школы и ее значении для продвижения русского языка в Китае. Используется большое количество архивных источников, впервые введенных в научный оборот.

Ключевые слова: Россия, Южная Маньчжурия, Инкоу (Нючжуан), Временное русское управление, Российское Императорское консульство, градоначальник, В. Ф. Гроссе, внешняя политика, социокультурные мероприятия.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00858 «Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX — начало XX в.): внешнеполитическое и социокультурное измерения», <https://rscf.ru/en/project/22-28-00858/>.

Внешняя политика России на Дальнем Востоке была нацелена на защиту национальных интересов и укрепление авторитета страны в регионе. Одним из главных партнеров Российской империи рассматривался соседний Китай, первые контакты с которым стали осуществляться еще с начала XVII в.

Основным центром коммерческой деятельности иностранцев в Южной Маньчжурии являлся небольшой речной порт Инкоу (營) Мукденской провинции, сыгравший большую роль на международной арене, являясь местом пересечения интересов России, Великобритании и Японии.

Несмотря на важность изучения политического и экономического присутствия императорской России в Инкоу, российские историки редко обращались к этой теме, в том числе к теме истории Временного русского управления в Инкоу.

Среди опубликованных работ отечественных исследователей известны статьи В. Г. Дацыщена [1; 2] и Я. Л. Салогуба [3]. Китайские историки также редко писали о русском присутствии, ссылаясь на отсутствие архивного материала. Однако, по утверждениям некоторых из них, за время Временного управления российская администрация сделала мало полезного для города по сравнению с японскими властями, управлявшими городом после Русско-японской войны. Например, гуаньдунская исследовательница Ду Лихун пишет: «По сравнению с Временным управлением русских японцы улучшили местную организацию и систему здравоохранения, оставив Инкоу четыре наследия: финансовую безопасность, больницы, постоянные офисы и профессиональный медицинский персонал. Стоит отметить, что неоднократные вмешательства России и Японии объективно усилили важность западных правил здравоохранения для китайских чиновников и повысили их осведомленность о том, как внедрить систему здравоохранения» [4, с. 120]. Здесь важно заметить, что российская администрация получила разрушенный Боксерским восстанием город с полностью отсутствующей системой медицинско-санитарного контроля, в то время как Японии Инкоу достался после периода русского градоначальства с усовершенствованной системой городской инфраструктуры и противоэпидемиологических мер.

В этой связи изучение социокультурной политики Временного русского управления в Инкоу 1900–1904 гг. является важным фактором для освещения реальной картины гуманитарных действий российской администрации под эгидой Императорского консульства. Этим определяется и научная новизна статьи, написанной на основе введенных в научный оборот архивных источников, а также мемуаров российского консула в Инкоу А. Т. Бельченко (готовятся к публикации).

Задачами исследования стало подробное рассмотрение мероприятий в области социокультурной политики Временного русского управления и их роли в улучшении жизни как местного, так и иностранного населения Инкоу.

Открытый для иностранной торговли в 1858 г. город являлся самым северным портом Китая. Он расположен на берегу реки Ляохэ, впадающей в Ляодунский залив, примерно в 15 милях от ее устья.

Первые европейские поселения появились в Инкоу после посещения его соединенным английским флотом в 1861 г. Спустя несколько лет с развитием морской торговли европейское население порта выросло настолько, что почти каждая крупная держава имела в нем своего консульского представителя. При отсутствии консульства европейские государства вручили интересы своих подданных немецкому

вице-консулу, который, будучи английским подданным, должен был оказывать поддержку в делах торговли чуть ли не половине континентальной Европе. Среди европейского населения преобладали англичане. Русская колония была малочисленна и состояла из нескольких человек — агентов Морской таможни и охраны [1, л. 53].

Большой интерес и путаницу до сих пор вызывает употребление разных названий города: Инкоу и Нючжуан. Несведущие люди, читая информацию о назначении дипломатов в порт, могли подумать, что речь идет о разных консульствах, хотя в действительности имелся в виду один и тот же город.

Исторически сложилось, что за время своего существования Инкоу сменил несколько названий, большинство из которых имели в своем составе слово «рот» (口, *кǒи*). В простонародье город был известен как «Военный лагерь» — Ин-цзы (营子) [5, р. 3]. Однако переселившиеся сюда иностранцы называли город Нючжуан (牛莊).

Недоразумение было вызвано тем, что в подписанном 26 июня 1858 г. в Тяньцзине договоре между Великобританией и Цинским Китаем содержалась статья, в которой говорилось о том, что в дополнение к открытым Нанкинским¹ договором китайским городам будет открыт еще ряд городов, среди которых был назван порт Нючжуан (Ньючван). Первый британский консул в Нючжуане Томас Тейлор Медоуз² 23 мая 1861 г. отправился на английском военном корабле исследовать водный путь от устья реки Ляохэ до этого порта. Он обнаружил, что его географическое расположение было гораздо хуже, чем у находящегося в 30 милях отсюда порта Инкоу, так как русло реки здесь было мелким, а водный путь слишком узким для прохода больших судов. Оказалось, что город Инкоу имел гораздо более выгодное положение естественного порта, поэтому выбор Нючжуана, указанного в подписанном договоре, признали ошибочным. Поскольку изменить название в договоре оказалось невозможно, британский дипломат обратился к высокопоставленным китайским чиновникам с просьбой перенести географическое название Нючжуан на Инкоу. С тех пор в иностранных документах и архивах, а также в названиях консульств, портов, таможен, церковей Инкоу фигурировал как Нючжуан, что вызывало неразбериху. С течением времени в разговорной речи осталось только название Инкоу, а топоним Нючжуан упоминался лишь в официальных «бумагах».

Особенностью коммерческой деятельности Инкоу была «джоночная» торговля, способствовавшая увеличению товарооборота и приносявшая большую прибыль. Именно с тех пор город стали называть «Ворота Маньчжурии», поскольку порт служил главным каналом для торговли, ведущейся исключительно на джонках и лодках. Река Ляохэ, не замерзающая с начала апреля до конца ноября, являлась главным водным путем Маньчжурии.

Начало 1890-х годов подтолкнуло мировые державы к следующему витку колониальной гонки в Китае. Центральным местом в череде политических событий

¹ Нанкинский договор заключен 29 августа 1842 г. между Китаем и Великобританией в результате поражения Китая в Первой опиумной войне (1840–1842). Согласно договору, Великобритании отошел Гонконг, кроме Кантона открывались еще четыре китайских порта для иностранной торговли: Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай.

² Томас Тейлор Медоуз (1815, Северная Англия — 1868, Северный Китай) — британский китаевед, дипломат.

этого периода стала Японо-китайская война (1894–1895), закончившаяся сокрушительным поражением Китая, в результате которого в апреле 1895 г. был подписан Симоносекский договор. Согласно статье 2 договора, «Япония требовала уступки в вечное владение не только Ляодунского полуострова в тех границах, в коих он потом был взят в аренду Россией, а всей территории от устья Ялу на Фынхуанчэн — Хайчэн — Инкоу с этими тремя пунктами исключительно. Обладание, в частности, Инкоу — тогда главным пунктом Маньчжурии — обеспечивало бы Японии экономическое господство над всей Маньчжурией» [6, с. 10–11].

Измученный войнами и ослабленный неравноправными договорами Цинский Китай искал надежного и сильного помощника для противостояния разделу страны. Именно царская Россия могла занять место партнера и защитника китайских национальных интересов. Как отмечал известный востоковед Б. А. Романов³, «Маньчжурский вопрос в истории международных отношений Российской империи встал во весь рост в 1895 г. и занял первенствующее и боевое место, сделался основным вопросом русской внешней политики — на все ближайшие десятилетия без перерыва» [6, с. 3].

Двусторонний российско-китайский альянс серьезно повлиял на международные отношения на Дальнем Востоке. В октябре 1895 г. была подписана китайско-японская конвенция, в результате которой Япония возвращала Китаю «на вечные времена и в полный суверенитет южную часть провинции Ляодун <...> от устья реки Ялу до устья реки Аньпин <...> до Инкоу» [7, с. 469].

Московский договор о союзе, определивший внешнюю политику России на Дальнем Востоке на долгие годы, был подписан между Россией и Китаем 26 мая 1896 г. Статья 1 договора гласила, что «всякое нападение, направленное Японией либо против русской территории в Восточной Азии, либо против территории Китая или Кореи, повлечет за собой немедленное приложение настоящего договора. В этом случае обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, которыми они могли располагать в тот момент и помогать друг другу, насколько возможно, для снабжения своих соответствующих сил» [7, с. 208].

Строительство Китайско-Восточной железной дороги отвечало политическим и экономическим интересам России на Дальнем Востоке и способствовало усилению сферы ее влияния в регионе. Следующим шагом двустороннего российско-китайского сотрудничества стало подписание в Пекине в марте 1898 г. Конвенции об аренде части полуострова Ляодун с портами Люйшуньюкоу (Порт-Артур), Далянь (Дальний) и с прилегающими к ним водным пространством и территорий.

Данный этап в структуре двусторонних политических отношений между Россией и Китаем падает на вторую половину XIX в. вплоть до 1917 г. Академик В. С. Мясников назвал его моделью равносторонних связей двух империй. Это период заката феодализма и становления капиталистических отношений в обеих странах. Эпоха крушения Цинской и Российской империй, реформ и революций, политического и экономического кризиса и в России, и в Китае, превращения Китая в полуколонию западных держав. Хотя Россия выступала на стороне Запада, ее политика существенно отличалась от политических курсов колониальных держав.

³ Борис Александрович Романов (1889, Санкт-Петербург — 1957, Ленинград) — советский историк, профессор Ленинградского университета, доктор исторических наук.

Оба государства стремились к равносторонним отношениям. В этот период между ними заключено наибольшее число договоров и других международно-правовых актов [8, с. 15].

Союзный договор с Китаем 1896 г., постройка Китайской Восточной железной дороги и постепенное проникновение русских на юг Маньчжурии побудили российское правительство открыть Императорское консульство в Инкоу (Инкоу), который на несколько лет стал точкой опоры российских интересов в Южной Маньчжурии.

10 мая 1899 г. старший советник МИД князь Оболенский телеграфировал в Миссию в Пекине о том, что учреждение консульства в Инкоу одобрено, а на должность консула предполагалось назначить А. Н. Тимченко-Островерхова⁴. 17 июля 1898 г. на канонерской лодке «Отважный» российский императорский консул прибыл в порт Инкоу [II, л. 63].

После нанесения официальных визитов местному даотаю, представителям дипломатического корпуса и местным высшим иностранным чиновникам перед русским консулом стояла нелегкая задача установить границы между российской консульской и железнодорожной властью. В то время в Нючжуане, уже имевшем ветку Южного участка КВЖД, которая вела к главному маньчжурскому пути (Инкоу — Дашицяо — Харбин — Дальний), активно действовали железнодорожные власти, возглавляемые Министерством финансов под руководством С. Ю. Витте. При станции строился Русский Поселок, в котором жили рабочие и инженеры, возглавляемые инженером путей сообщения Ф. О. Гишманом⁵, и казаки Охранной стражи. Но не успело консульство открыться и приступить к решению многочисленных вопросов, связанных с деятельностью порта и строящейся железной дорогой, как вспыхнуло Боксерское восстание.

Начавшееся в 1899 г. восстание ихэтуаней охватило многие китайские города. Коснулось оно и Инкоу, и к середине июля 1900 г. приняло угрожающий характер для жизни иностранцев и местных жителей. В книге писателя — востоковеда Д. Г. Янчевецкого эти события описаны следующим образом: «22 июля европейская часть Инкоу была неожиданно встревожена выстрелами боксеров и китайских солдат, которые в числе около 2-х тысяч человек решились сделать нападение на иностранцев. <...> К вечеру даотай, китайские власти и все солдаты, и боксеры (из них было перебито несколько десятков человек) бежали. Наши войска заняли город, поставили свои караулы и подняли военный флаг над китайской морской таможней» [9, с. 513].

На следующий день в город прибыл главный начальник Квантунской области вице-адмирал Е. А. Алексеев⁶, главной задачей которого было введение в открытом договорном порту Русского градоначальства, которое бы способствовало установлению в городе порядка и безопасности жителей. Эта процедура осложнялась вопросами международного права, поскольку порт Инкоу трактатный. К тому же эти

⁴ Андрей Николаевич Тимченко-Островерхов (1863, Тамбов — 1920, Кантон, Китай) — русский дипломат-китаевед, сотрудник МИД с 1887 по 1920 г.

⁵ Феофил Осипович Гишман (Hierschmann) (ум. 1916, Петербург) — инженер путей сообщения. В 1903 г. начальник Южного отделения КВЖД в Порт-Артуре.

⁶ Евгений Иванович Алексеев (1843, Севастополь — 1917, Ялта) — русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1901), адмирал (6 апреля, 1903). Наместник на Дальнем Востоке и главнокомандующий русских войск в Порт-Артуре и Маньчжурии.

действия вызывали беспокойство иностранных консулов и чинов англо-китайской таможни. 27 июля Е. И. Алексеев подписал «Положение о временном Императорском Российском управлении портом Нючжуана». Согласно положению, произошло разделение военной и гражданской властей: комендантом назначался К. К. Клапье де Колонг⁷, а градоначальником — консул А. Н. Тимченко-Островерхов.

Положение состояло из 12 пунктов, в частности в нем говорилось о том, что градоначальник Инкоу назначался главным начальником Квантунской области и утверждался высочайшей властью. При градоначальнике утверждался совещательный орган — совет, в который входили коменданты, консулы, по одному представителю от иностранных торговых фирм и китайских торговых палат, таможенный комиссар и заведующий санитарной частью. При градоначальнике также образовывалась Дума из местного купечества для выяснения нужд городского и торгового населения. В положении говорилось, что суд в городе должен руководствоваться кодексом смешанных судов в Китае, консульская юрисдикция сохранялась. Дела китайцев, обвиняемых в тяжких преступлениях, велись в русском военном суде. Для организации городского управления российское правительство выдавало аванс, который должен был погашаться за счет местных налогов [II, л. 80].

В состав градоначальства также входили два секретаря, полицмейстер, податной инспектор, казначей, городской судья, врач с надлежащим персоналом для заведывания санитарной частью города, переводчик. На эти должности было разрешено приглашать не только русских, но и китайцев и иностранцев. Для поддержания должного порядка и спокойствия в городе была учреждена полиция во главе с полицмейстером-офицером при помощнике и нескольких старших полицейских чинах, ведающих отдельными участками в городе. В состав полиции вошли 100 стрелков одной из частей, расположенной в Южной Маньчжурии, отделения казаков, а также пешая и конная китайская милиция, состоящая из туземцев по выбору и за личной ответственностью городских старшин [I, л. 54 об. — 55].

Российская административная власть в Инкоу сразу же приступила к своей деятельности. Одной из сложных проблем, с которой столкнулся консул А. Н. Островерхов, было плохое санитарное состояние порта и города, которое в 1899 г. привело к вспышке эпидемии чумы. В секретной телеграмме в Миссию в Пекине от 18 апреля 1899 г. градоначальник сообщал: «Городская санитарная комиссия закрылась, японский врач уехал, город без врачебного надзора, в случае возникновения чумы предложил уполномоченному Александровскому принять в наше ведение чумную больницу, кладбище, приемный покой. Китайцы уклоняются даже от принятия предохранительных мер, введенных в других портах» [II, л. 69].

Иностранное население спешно уезжало из опасного района, поскольку количество больных увеличивалось с каждым днем. Большая часть русских рабочих с семьями, в основном строителей железной дороги, в страхе покидала город, бросив работу. Островерхов телеграфировал в Пекин, что среди русских в Инкоу царит сильное волнение и возможно поголовное бегство по линии дороги, поскольку для борьбы с чумой не были приняты никакие меры.

---

⁷ Константин Константинович Клапье де Колонг (Clappier de Colongue) (1859 — февраль 1944, Германия) — военный комендант порта Инкоу. Русский морской офицер, флаг-капитан полевого штаба командующего Второй Тихоокеанской эскадры, капитан 1-го ранга, участник Цусимского сражения.

Незамедлительная помощь для борьбы со страшной эпидемией последовала от Общества КВЖД из Харбина: «В виду появления чумы в Инкоу, Правлением КВЖД выслана туда [в Инкоу] противочумная лимфа, командирован санитарный отряд в составе двух ученых бактериологов, шести санитарных врачей, двенадцати фельдшеров, означенные врачи снабжены инструкцией, выработанной при участии специалистов, за сим на пароходах с 1-го октября будут отправляться еще десять врачей. Опасаясь, что принятые приамурскими и квантунскими властями карантинные меры по отношению грузов, рабочих дороги могут быть вредно отразиться на ходе ее постройки, Министр Финансов настоял, чтобы сделанные в этом отношении означенными властями распоряжения были отменены, а принятие необходимости мер было возложено на Общество КВЖД, на которое равно, как и на Министерство Финансов ложится, таким образом, громадная ответственность, поэтому во избежание занесения чумы на судах или с рабочими Общества в пределах Приамурского края и Квантуна, а также распространения эпидемии на ж/д территории, местным агентам Общества предписано принять санитарные меры: общее руководство борьбой с эпидемией было возложено на инженера Юговича» [III, л. 201–202].

Благодаря своевременным действиям и поддержке Общества КВЖД эпидемию удалось победить, и Инкоу постепенно вернулся к нормальной жизни. Для блокирования новых эпидемий было необходимо создать надежную противозидемиологическую службу. Кроме того, после пережитого Боксерского восстания, в результате которого в городе и порте были разрушены многие здания и сооружения, пострадали коммуникации и линия железной дороги, требовалось их восстановление и ремонт. Все эти проблемы легли на плечи Временного русского управления и в большей степени на градоначальника. Тяжелый период, связанный с установлением градоначальства, восстание ихэтуаней, эпидемия чумы сказались на состоянии здоровья А. Н. Островерхова. Пробыв в общей сложности на посту консула в Инкоу 15 месяцев, он запросил отпуск, поскольку безвыездно находился в Китае более семи лет. После его отъезда должность градоначальника была возложена на А. А. Эбергарда⁸, а управляющим консульством назначен секретарь Христофор Петрович Кристи. В то же время в Петербурге стал обсуждаться вопрос замены уехавшему А. Н. Островерхову, позже назначенному генеральным консулом в Ханькоу.

Выбор Министерства иностранных дел пал на молодого, инициативного и прекрасного проявившего себя дипломата В. Ф. Гроссе⁹. В момент, когда решалась его судьба, он находился в Риге в отпуске, куда были направлены секретные телеграммы о его новом назначении: *Плансон Гроссе 28 декабря 1902 г. Согласно имеющимся инструкциям министерство возложило на вас обязанности градоначальника с сохранением лишь звания консула, дабы не встревожить китайцев и державы назначением нового отдельного лица. Но не вижу в этих инструкциях требования,*

⁸ Андрей Августович Эбергارد (1856, Патры, Греция — 1919, Петроград) — русский военно-морской и государственный деятель, адмирал и командующий морскими силами Черного моря. В 1898 г. переведен на Дальний Восток, командир мореходной канонерской лодки «Манджур» (1899). В 1901 г. направлен в Порт-Артур, где временно командовал крейсером «Адмирал Нахимов». Временный градоначальник Инкоу. Капитан 1-го ранга (1902).

⁹ Виктор Федорович Гроссе (1869, Грива, Курляндская губ. — 1931, Шанхай) — российский дипломат. На службе по МИД с 1892 г. Занимал дипломатически должности в Китае и Японии. В годы «белой» эмиграции возглавлял Русский эмигрантский комитет в Шанхае.

чтобы вы фактически совмещали обе должности и изменили порядок, который был заведен при Островерхове и может без всяких неудобств продолжаться до передачи Инкоу, а именно консульскими делами заведовал секретарь под вашим общим руководством. Надлежит ехать в Инкоу и принять дела от Эбергарта — капитана 2-го ранга [IV, л. 15].

Виктор Федорович Гроссе — выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. После его окончания причислен к Азиатскому департаменту МИД, а в сентябре 1893 г. направлен студентом в Российскую миссию в Пекине. Его замечательные успехи в области изучения китайского языка и высокие организаторские способности послужили быстрому продвижению по службе. Он был назначен секретарем консульства в Тяньцзине, а спустя три года — вице-консулом в вице-консульство в Чифу. Гроссе выделялся среди коллег ровным и выдержанным характером, был инициативен, дисциплинирован, трудолюбив.

В течение двух с половиной лет, исполняя обязанности российского консула, Виктор Федорович также находился на должности градоначальника Инкоу, занимаясь как многочисленными делами по гражданскому управлению города, так и консульской работой.

После Боксерского восстания первой заботой русского градоначальства в портовом городе с населением 600 000 человек стала борьба с огромным количеством бездомного люда, нашедшего себе, как писал В.Ф.Гроссе, «широкое приволье в окрестностях Инкоу. Кроме того, невозможно было установить точную регистрацию населения: свобода передвижения, разбросанность города привели к тому, что под видом чернорабочих, ищущих работу в порту, в город проникали хунхузы. Борьба была чрезвычайно трудной. Грабежи — по три преступления в неделю и разбои. Но постепенное воспитание китайской полиции, которая предупреждала преступления, преследовала виновных, навели порядок. За последние полтора года было только четыре грабежа, из которых три раскрыто и представлено суду. Отсутствие пыток и суровых наказаний, приличные условия содержания в тюрьме, равенство перед законом были причиной тому, что население с величайшим доверием относилось к русской власти» [II, л. 207] (курсив наш. — В. III.).

Большую проблему для безопасности города создавали иностранные моряки. Оказавшись на берегу, они часто попадали в полицейский участок или задерживались патрулями градоначальства за серьезные правонарушения. Гроссе писал в донесении: «Иностранные матросы пьянствуют, буйствуют в городе, сталкиваются с нашей полицией, дело доходит иногда до вооруженного столкновения без жертв, и на требование упорядочить по возможности увольнение нижних чинов на берег, представители и начальники этих чинов вне судна — свободных граждан предлагали общаться со своими претензиями в их консульский суд, а когда нарушителя порядка лишали, хотя бы на время, свободы, они громко кричат о попрании русскими трактатных прав иностранцев в Китае» [I, л. 56 об.]. Такая сложная ситуация безопасности в городе могла быть решена только безотлагательными мерами градоначальства.

Следующая важная проблема, с которой столкнулся В.Ф.Гроссе и его подчиненные, — необходимость благоустройства городских улиц и порта. Характеризуя Инкоу начала XX в., можно сказать, что это был обычный китайский портовый город — город складов, магазинов, постоянных дворов и лавочек для курильщиков

опиума (1200 в городе). В начале Временного русского управления он представлял собой запущенное и антисанитарное место. Ежедневно сюда прибывали бесконечные обозы, тянувшиеся с утра до вечера и портившие местные дороги, превращая их в глубокие ямы. На улицу и проезжую часть из китайских фанз выбрасывался всякий сор, сухие экскременты людей и животных сохранялись во дворе жилых домов, так как из них изготавливали лепешки для удобрения полей.

В городе отсутствовало освещение, не было колодцев с пресной водой, и единственным источником питьевой воды служили большие водоемы, озера, вырытые в разных частях города, наполняемые водой во время периодических дождей. При этом в этих озерах стирали белье, туда приводили на водопой животных и из них же брали воду для питья.

В книге М. В. Супотницкого «Очерки истории чумы» описано состояние Инкоу до и после начала русского управления: «По улицам нельзя было пройти, не рискуя попасть ногой в человеческие испражнения. Канавы были переполнены пищевыми отбросами, трупами животных, экскрементами. В дождливое время года Инкоу погружался в непролазную грязь. Однако благодаря настойчивости новых властей к 1901 г. город совершенно изменился. Улицы стали содержаться опрятно и, как отметил Падлевский¹⁰, даже лучше многих российских уездных городков; китайцы их регулярно поливали водой из реки, канавы вычистили и больше не загрязняли; в разных местах города были устроены общественные отхожие места. До возможного совершенства была доведена чистота внутри дворов и в домах. Появились мусорные ящики, отхожие места, о которых раньше там и не слышали, везде были видны следы дезинфекции известковым молоком и т. п. Удивительно то, что все это было достигнуто нашими властями в сравнительно короткий промежуток времени, без особых побудительных мер» [10, с. 45].

Благодаря заботам Временного русского управления центральная часть Инкоу, набережная реки Ляохэ и порт превратились в главные объекты городского строительства. В течение двух лет набережная стала излюбленным местом прогулок и проведения праздничных мероприятий. Ее центральная площадь была огорожена каменной оградой, а дорога вдоль реки превратилась в аллеи, засаженные деревьями. Город преобразался.

Важной составляющей социальной политики Временного русского управления было построение эффективной системы противоэпидемиологических мероприятий, позволяющей быстро купировать очаги возникновения инфекционных заболеваний и оказания своевременной помощи заболевшим.

Еще в 1901 г. было начато оборудование чумного госпиталя и устройство карантина, куда во время эпидемии переводились люди с пароходов и фанз, заболевшие чумой или холерой. Для борьбы со страшными заболеваниями принимались самые широкие меры дезинфекции, проводились медико-санитарные осмотры во всем городе. В помощь работавшим здесь врачам из Харбина был направлен особый медицинский персонал.

---

¹⁰ Лев Владимирович Падлевский (1870–1943) — российский микробиолог и эпидемиолог, профессор (1918). С 1922 г. заведовал кафедрой микробиологии Познанского университета в Польше. Основные работы посвящены образованию токсических субстанций чумной бактерией и профилактике чумы.

Несмотря на то что еще в 1863 г. Роберт Харт¹¹ учредил Таможенную медицинскую службу (Бюро здравоохранения) и разместил медицинского сотрудника на каждой таможне для проверки санитарного состояния территории морского порта, в Инкоу постоянно происходили серьезные нарушения санитарного контроля. Английский санитарный врач пропускал все прибывающие грузы, поскольку вопросы бизнеса играли первостепенную роль.

Большую роль в ухудшении эпидемиологической обстановки играло и сопротивление местного населения, вызванное традиционным отношением китайцев к смерти: они считали ее продолжением жизни в загробном мире и относились к болезни как к данности, в которую нельзя вмешиваться. Поэтому местные жители категорически отказывались подчиняться новым законам: «Создание Бюро здравоохранения встретило сопротивление со стороны китайских чиновников и граждан. Они считали, что если иностранные законы будут использоваться для принуждения китайских граждан к их соблюдению, то общественное мнение неизбежно пойдет против них. В центре спора между Китаем и зарубежными странами находились две меры: госпитализация инфицированных в больницы для лечения и захоронение мертвых непосредственно на кладбище. Китайцы заявляли, чтобы им было позволено выбирать самим, как лечить пациентов и проводить обряды прощания с ушедшими родственниками» [4, p. 115]. Это не могло не беспокоить русские консульские чины, которые постоянно били тревогу по этому поводу, боясь распространения эпидемии за пределы Маньчжурии.

Находясь на посту управляющего консульством в Инкоу, Х. П. Кристи писал в 1901 г. в одном из своих донесений об угрозе продвижения чумы из Китая в Россию: «Весь порт представляет из себя настоящую клоаку, зловоние которой стало не так ощутимым только теперь, так как наше Управление усердно занимается чисткой города и приведением в порядок нужных ассенизационных канав. Для России вопрос состоит не только об удовлетворительном, но даже отличном санитарном состоянии этого порта, что представляет задачу крайней важности ввиду связи нашей железной дороги с Сибирью и Приамурьем, куда очень легко может проникнуть та подозрительная болезнь (бубонная чума), которая оставила свой след в 1899 <...> помимо опасности заноса чумы в наши пределы по железной дороге, мы можем привезти к себе эту ужасную гостью на пароходах, совершающих рейсы между Нючжуаном и Владивостоком» [V, л. 85–87].

Безусловно, отсутствие надлежащего санитарного контроля на транспорте представляло угрозу занесения эпидемий в Россию и через Порт-Артур, и через Дальний, которые были соединены с Нючжуаном. Поэтому приведение в порядок порта и города стало главной заботой Временного русского управления.

Однако царивший до русского градоначальства беспорядок привел к вспышке чумы в Инкоу в августе 1901 г. Наличие построенной по распоряжению Наместника Алексеева бактериологической лаборатории, находящейся около железнодорожной станции, способствовало быстрому проведению необходимых исследований. После подтверждения тревожных слухов о чуме в Инкоу, из Порт-Артура 17 августа прибыла комиссия врачей во главе с заведующим медицинской частью

---

¹¹ Сэр Роберт Харт, 1-й баронет (1835–1911) — британский дипломат и чиновник в цинском правительстве Китая, занимал должность второго генерального инспектора Китайской имперской таможенной службы с 1863 по 1911 г.

действительным статским советником Ларионовым и нашла полученные препараты достаточно убедительными, чтобы признать их за чумные. 8 сентября в Инкоу был командирован доктор Падлевский, в 1899 г. принимавший участие в борьбе с эпидемией чумы в Инкоу [10, с. 46].

Первые анализы показали, что люди были инфицированы от больных крыс, которые жили около жилых помещений, питаясь пищевым мусором. Заболевшие китайцы также подтвердили, что в своих дворах они находили дохлых крыс, которых просто выбрасывали на улицу. Для борьбы с распространением эпидемии русское градоначальство в срочном порядке приняло необходимые меры. По всему городу были выставлены посты, ходили патрули, которые останавливали и проверяли всех выезжавших и въезжавших для предупреждения ввоза больных или вывоза мертвых.

На Ляохэ была организована речная полиция, а весь город разбит на участки, которыми заведовали командированные в Инкоу русские врачи, участковые врачи постоянно осматривали с полицией каждую фанзу на своем участке.

В срочном порядке устраивались бараки для подлежащих обсервации, открывались госпитали для больных, организовывались команды фельдшеров и санитаров, среди которых были и русские, и китайцы.

Градоначальник Гроссе объявил о назначении высоких денежных наград местным жителям за предоставление сведений о больных и мертвых: «Были оплачены счета за доставку сведений об умерших от чумы и больных китайцев» [VI, л. 101]. Это способствовало тому, что информация о заболевших быстро доходила до полицейских, несмотря на то что родственники инфицированного ее скрывали.

Основная работа была развернута в госпитале, где находились на лечении больные. Большая часть расходов по содержанию госпиталя, карантина и чумной лаборатории оплачивались из средств Временного русского управления (табл. 1).

Питанию госпитализированных больных уделялось особое внимание. В числе употребляемых ими продуктов было мясо, белый хлеб, яйца, курица, картофель, сало топленое, масло кухонное, мука подпавочная, уксус, рис, капуста, специи, лук. Каждому больному полагалась питьевая вода и чай.

Интересен тот факт, что практически в каждом счете для оплаты содержатся расходы на покупку капусты для кроликов. Это объяснялось тем, что кроличье мясо полезно больным чумой, поэтому в специальном помещении при карантине была построена ферма кроликов, которых откармливали для питания заболевших. Специальное меню было как для европейских, так и для китайских пациентов, чтобы они могли есть привычно приготовленную для них пищу. Китайские больные стремились подольше задержаться в карантине, так как уход и регулярное питание были им недоступны в домашних условиях.

Персонал госпиталя, среди которого были русские и китайцы, получал за свою работу хорошее ежемесячное денежное вознаграждение (табл. 2).

Эпидемия, длившаяся более полугода, была блокирована умелыми и своевременными действиями русских врачей, быстро обучивших санитарный персонал и энергично развернувших скоординированный с местными властями план действий. Рискуя собственной жизнью, врачи оказывали населению самую широкую помощь и поддержку, спасая людей от эпидемии. Большую роль играло в этом русское градоначальство, которое благодаря своевременным и правильным

Таблица 1. Описание счета израсходованных средств по чумной лаборатории и 9-му участку (выдержки) [VI, л. 38]

№ п/п	Наименование	Сумма, долл.
1	Стирка халатов и полотенец	4,80
2	Суточные санитару Туркину за декабрь	10,50
3	2 т угля	28
4	Фунт свечей	1,40
5	Полицейскому № 18 за обнаружение чумного случая выдано	5
6	100 фунтов капусты для кроликов	2,15
7	Перевозка воды за месяц	10
8	Лампа и 2 стекла	0,35
9	Санитару-китайцу суточные за декабрь	4,50
10	100 фунтов дров	1,20
11	Ящик керосина	3
	ИТОГО	70,90

Таблица 2. Список служащих в карантине, получивших наградные деньги, на 25 января 1902 г. [VI, л. 114]

Фамилия, имя	Сумма наградных, руб.
Переводчик Сюй Юнкан*	10
Санитар Чоу Чанчун	2
Повар Нью Каусань	2
Бой Чан Чжу	2
Ассенизатор Лю Ванчен	2
Ассенизатор Ло Ли	2
Переводчик доктора Николаева Сан Чишу	10
Переводчик доктора Подлевского Кю-Лыхя	10
ИТОГО	40

* Правописание китайских имен дается как в оригинале.

действиям сумело предотвратить большие жертвы среди жителей Инкоу и не допустить дальнейшего распространения эпидемии по другим провинциям Китая и в Россию.

Подводя итоги этой нелегкой борьбы, градоначальник В.Ф.Гроссе в одном из своих отчетов представил таблицу, в которой были отражены основные суммы, затраченные на проведение противоэпидемиологических мероприятий и приведение в порядок городских помещений (табл. 3).

По данным таблицы 3 можно судить о том, как планомерно и эффективно действовало Временное градоначальство по улучшению городской инфраструктуры и санитарного состояния города, стараясь привести в порядок именно те объекты, где эпидемия могла появиться быстрее всего.

Таблица 3. Ведомость по расходам, произведенным на благоустройство г. Инкоу, пособие китайским обществам, ремонт помещений (1902–1903) [VII, л. 7]

Наименование расходов	Сумма, руб.
Улицы, мосты и санитарные расходы по городу	45 984,20
Ремонт почтовой конторы	1471
Ремонт: — джоночной таможни — полицейского управления	3896 11 779
Ремонт и устройство: — городской пристани — таможенной пристани	1049,65 1805
Доки таможенной пристани	800
Чумной госпиталь, карантин и холера, не считая содержания личному составу, в том числе — карантин — чумной и холерный госпиталь	89 757,80 9 977,90 5 774,70
Лечение больных китайцев	3 261,60
Лаборатория	2 800
Расходы по общественному управлению, не считая содержания личного состава, в том числе	36 440
— содержание кумирни	3 216 долл.
— ремонт общественных зданий	4 800 долл.
— содержание трех резервуаров питьевой воды	2 800 долл.
— пособия бедным	6 432 долл.
— пособия китайским обществам на непредвиденные расходы	9 544 долл.
— содержание хлебной биржи	408 долл.
— расходы по общественному управлению	9 240 долл.
ИТОГО	199 044,25

Русская администрация серьезно занималась социальной политикой как в интересах русского, так и китайского населения, прекрасно понимая, что, пока не будет наведен порядок в китайском секторе, трудно рассчитывать на изменения в городской жизни. Одним из таких важных городских событий стало открытие Дома трудолюбия для китайцев, состоявшееся 8 сентября 1903 г. Рассказывая о цели его создания, Гроссе писал в одном из своих донесений: «Ежегодно русский градоначальник давал 200 долларов китайским старшинам для раздачи пищи бедным, что не контролировалось. С этой целью заново были отремонтированы три китайских дома вместе со двором, окруженные высокой стеной — Дом трудолюбия и призрения неимущих, рассчитанный на 45 мужчин и 15 женщин в летнее время и 85 человек в зимнее время. Стоимость: 10 центов в сутки. Принимаются старики в возрасте от 60 лет и выше, страдающие физическими недостатками или не могущие найти себе заработок. Дом делится на два отделения: для престарелых и увечных обоюбого пола и для трудящихся, выполняющих под руководством опытного мастера работы путем ремесла, которые введены в заведении» [II, л. 193].

Дом трудолюбия пользовался большим спросом у местного населения, так как давал им возможность получить новую профессию, иметь кров и пищу. Донося о деятельности нового социального заведения в Инкоу, градоначальник писал в МИД: «Материалы доставлялись городской гражданской администрацией, а выручка с продажи изделий, деньги обращались в доход дома. Отчетностью заведовал управляющий домом, получал 25 долларов в месяц. Он же следил за точным исполнением правил, контролировал мастеров» [II, л. 195].

В область забот Временного русского управления входили и вопросы социокультурной деятельности. Ремонтировались кумирни, открылись китайские школы. Однако сближение местных русских и китайских жителей тормозилось отсутствием русских, знавших китайский язык, и незнанием русского языка китайцами.

В.Ф.Гроссе, имевший опыт создания русско-китайской школы в Тяньцзине, существовавшей там до Боксерского восстания, писал: «Один из главных недостатков, неизбежно ощущаемый нами везде в Маньчжурии и тормозящий всякое начинаемое нами дело, заключается в полном незнании туземцами русского языка. Можно только надеяться, что будущая китайская администрация пойдет навстречу сделанным градоначальникам попыткам в устранении этого недостатка и не откажет уделять должное внимание открываемой ныне первой Русско-китайской школы в Инкоу» [VII, л. 5 об. — 6].

Получив одобрение Миссии в Пекине, градоначальник Гроссе обсудил с местными представителями китайских торговых обществ создание в Инкоу русско-китайской школы по тяньцзиньскому образцу. Китайское купечество обрадовалось этой возможности и предоставило в полное распоряжение градоначальства часть кумирни Хо-Шэнь-Мяо, расположенной недалеко от иностранного квартала. Запущенные фанзы кумирни были быстро переделаны в здания европейского типа с высокими каменными стенами. Одновременно на том же участке был построены отдельный дом из трех комнат для русского учителя и необходимых служебных помещений. 15 апреля 1903 г. русско-китайская школа под покровительством местных властей и российского консульства в Инкоу была открыта градоначальником В.Ф.Гроссе.

Занятия начались в тот же день: «30 человек — сыновей богатого купеческого сословия и незначительная часть мелких. Во главе училища в качестве попечителя старшина — китаец Чжао Шуцзы. Штат: русский учитель К.И.Порошин, китайский переводчик Юй Чжичан (из русской школы в Тяньцзине) и китайские учителя. Особое внимание на изучение китайской словесности — 3 часа в день китайского и 3 часа в один день — русского языка. Штраф 50 долларов за каждый год если уходят ученики обязаны платить за учение плата до 2 долларов в месяц. Текущие расходы равнялись 200 долларам в месяц и относятся целиком на счет градоначальника. Учитель и его помощник состояли на службе в канцелярии градоначальника» [II, л. 188].

Среди предметов в школе преподавались следующие: чтение, арифметика, переводы на русский язык, история, грамматика, упражнения в письме, география, разговорная речь. Ученики обучались с усердием, так как перспектива работы в управлении градоначальства или в торговых компаниях города стала для них достижимой целью.

Спустя три месяца в русско-китайской школе состоялись первые экзамены, которые принимал Гроссе. По итогам он написал в своем отчете: «Из 31 трое малоспо-

собные и 1 удалил. За три месяца усвоили 900 русских слов, письмо под диктовку, отдельные фразы, комбинированные из заученных слов, раздельное чтение и счет до 100» [II, л. 188]. Русско-китайская школа имела большое значение для распространения русского языка и образования в Южной Маньчжурии. Часть выпускников школы после 1905 г. переехали в другие города Маньчжурии, где благополучно устроилась на службу.

В течение нескольких лет между Россией и Китаем велись переговоры о прекращении Временного русского управления. Первоначально город должен был быть возвращен местным властям в 1902 г. после наведения в нем порядка и ликвидации последствий Боксерского восстания. Однако российская сторона затягивала процесс, считая, что градоначальство служит гарантией сохранения стабильности и безопасности в городе. Деятельность русского градоначальства вызывала раздражение и у иностранной колонии, особенно у англичан, которые еще с 1899 г. всячески препятствовали укреплению русских в Инкоу. Стоит заметить, что в сфере международных отношений на Дальнем Востоке всегда наблюдалось столкновение интересов России и Англии. Академик А. Л. Нарочницкий называл данный фактор «англо-русским антагонизмом» [11, с. 207], который особенно проявил себя в Маньчжурии.

Россия имела широкие планы по присутствию в Южной Маньчжурии. Небольшой городок Инкоу, ставший ее оплотом в 1901–1904 гг., играл в этом процессе важную роль. Успехи и достижения русской администрации в период Временного управления способствовали укреплению влияния и авторитета России в трактатном порте. Для самой России было выгодно иметь в своем распоряжении «Ворота Маньчжурии» для проведения своей политики на Ляодунском полуострове. Инкоу — Порт-Артур — Дальний стали надежным и стратегически важным треугольником русского присутствия в Южной Маньчжурии.

Начавшаяся в 1904 г. Русско-японская война изменила далеко идущие планы российской внешней политики на Дальнем Востоке. В результате подписания Портсмутского мирного договора 1905 г. между Россией и Японией Инкоу оказался во власти японцев. Часть русского населения покинула город еще в начале военных действий. Среди уехавших была и семья В. Ф. Гроссе. Сам он оставался в городе до середины сентября 1904 г.

Прибывшая в Инкоу новая японская администрация захватила объекты русской недвижимости, включая дом градоначальника и здание Императорского консульства. С серьезными финансовыми трудностями столкнулись местные китайские купцы, имевшие счета в Русско-Китайском банке в Инкоу. Российские наличные деньги были под запретом, что привело к разорению большого количества коммерсантов.

В дальнейшем Российское Императорское консульство возобновило свою работу и на должность исполнявшего обязанности консула был назначен А. Т. Бельченко, однокашник и друг В. Ф. Гроссе.

Длившееся с 1900 по 1904 г. Временное русское управление в Инкоу имело большое значение для развития российско-китайских отношений. Проводимая русским градоначальством социокультурная политика была нацелена на улучшение ситуации во всех областях жизнедеятельности города-порта.

Отметим проведение ряда противозoonиологических мер по улучшению медико-санитарного состояния города, в том числе строительство бактериологической станции и крематория, создание больничного комплекса, борьба с очага-

ми чумы и холеры, медицинская помощь и госпитализация больных, мотивация местного населения на своевременное извещение о заболевших, соблюдение санитарных мер в быту самими китайцами, ежедневная уборка улиц и т. д. Эти мероприятия были важны для блокирования эпидемий как в самом городе, так и за его пределами.

За годы Российского градоначальства была открыта русско-китайская школа по изучению как русского языка, так и коммерческого дела, пользовавшаяся большим успехом у местных купцов. Как указывали китайские чиновники, подобные учебные заведения содействовали развитию духовных дарований человека: «Коль скоро ученик преуспевает в нравственности и науках, то впоследствии может управлять делами по международным сношениям» [VIII, л. 8].

Большое значение для китайского населения имело открытие Дома трудолюбия, в котором можно было получить новую профессию, проживание и питание. Приобретение новых профессиональных знаний способствовало отказу от тяжелой физической работы, на которой трудились большинство китайцев.

По данным отчетов В. Ф. Гроссе видно, что русская администрации приводила в порядок разрушенные кумирни, при которых позже открывались классы для китайских детей, а затем и народные школы.

В городе можно было приобрести русские и иностранные газеты, а для китайцев издавался «Листок», который стал прообразом будущей китайской местной газеты.

Для городского населения в парках проводились различные культурно-просветительские мероприятия, читались лекции. В них принимали участие не только русские и иностранцы, но и китайцы.

Значительные достижения Временного русского управления были связаны с установлением в городе системы правопорядка и безопасности: значительно снизилось количество грабежей и нападений на прохожих, значительно сократилось число бездомных. В городе была выстроена эффективная система полицейского надзора, патрулирование улиц. Особое внимание уделялось припортовой территории, где находились публичные дома и питейные заведения.

Инкоу, значительно пострадавший в результате Боксерского восстания, был не только восстановлен, но и значительно расширился благодаря проведению соответствующих мер российской администрации. Из консульских донесений и ежегодных отчетов градоначальства следует, что в течение этого времени проводился ремонт зданий и городских улиц, набережной, разбивались парки, прокладывались и ремонтировались дороги. Большим достижением стало улучшение системы водоснабжения и канализации. Значительные строительные работы были осуществлены в порту и в районе таможни. Принятые меры привели к улучшению состояния складов по хранению грузов и таможенных досмотров. В городе был проведен телеграф, и началась подготовка к телефонизации.

Подводя итоги деятельности Временного русского управления, стоит отметить, что большинство мероприятий в области социокультурной политики финансировалось за счет русской казны.

Благодаря умелым и своевременным действиям российских консулов, совмещавших дипломатическую должность с должностью градоначальника, китайский город Инкоу превратился в один из самых чистых портов европейского типа и окончательно потерял репутацию вечного очага чумы и холеры.

Имеющиеся архивные материалы раскрывают неизвестные страницы деятельности русских дипломатов, которые, находясь на Дальнем Востоке, способствовали укреплению авторитета своей родины и хранили верность данному им клятвенному обещанию: «Надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей присяги не поступать и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит и как я перед Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет!»

Список сокращений

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
РГИА — Российский государственный исторический архив

Литература

1. *Дацзышен В. Г.* Инкоу из опыта русского колониализма // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 1995. № 4. С. 78–91.
2. *Дацзышен В. Г.* Русский город Инкоу // Информационно-аналитический портал Павла Клачкова. URL: <http://klachkov.info/node/93> (дата обращения: 02.06.2021).
3. *Салогуб Я. Л.* «Организационно-правовые основы создания российской администрации и полиции в открытом порту Инкоу (1900–1904 г.) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. № 3. С. 46–49.
4. 杜丽红. 近代中国地方卫生行政的诞生: 以营口为中心的考察 // 近代史研究. 2019. № 04. 第 114–131 页. [Ду Лихун. Рождение местного гигиенического управления в современном Китае: исследование, посвященное Инкоу // Цзиньдай ши яньцзю. 2019. № (04). С. 114–131]. (На кит. яз.)
5. 营口简史 / 主编 韩晓东. 沈阳: 辽宁民族出版社, 2019. 300 页 [Краткая история Инкоу / сост. Хань Сюодун. Шэньян: Ляонин миньцзю чубаньшэ, 2019. 300 с.]. (На кит. яз.)
6. *Романов Б. А.* Россия в Манчжурии (1892–1906). Очерки по внешней политике самодержавия во внешнем империализме. Л.: Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе, 1928. 608 с.
7. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под ред. В. С. Мясникова. М.: Памятники ист. мысли, 2004. 694 с.
8. *Мясников В. С.* Россия и Китай: историческое прошлое, современность и перспективы отношений (семь особенностей и семь моделей отношений России с Китаем) // Российско-китайские исследования (Russian and Chinese Studies). 2017. Т. 1, № 1. С. 10–21.
9. *Янчевецкий Д. Г.* У стен недвижимого Китая. СПб.; Порт-Артур: издание П. А. Артемьева, 1903. 682 с.
10. *Сунотницкий М. В.* Очерки истории чумы: в 2 кн. Кн. 2: Чума бактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. 694 с.
11. *Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 899 с.

Архивные источники

- I. Консульство в Нючжуане. Разные отчеты и сведения о торговле // АВПРИ. Ф. 271. Оп. 551. Д. 1.
- II. Донесения консульства в Нючжуане // АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325.
- III. О мерах против чумы, появившейся в Инкоу // РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 65.
- IV. О В. Ф. Гроссе // АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1860.
- V. Нючжуан // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 836.
- VI. Оправдательные документы об израсходовании 4039 руб. 5 коп. на борьбу с чумой в Инкоу // АВПРИ. Ф. 271. Оп. 551. Д. 34.
- VII. Доклад градоначальника Гроссе из Инкоу // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 995.

Контактная информация:

Шаронова Виктория Геннадьевна — канд. ист. наук; vsharonova@mail.ru

Socio-cultural Activities of the Russian Imperial Consulate in Yingkou (China) during the Period of Temporary Russian Administration (1900–1904)*

V. G. Sharonova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
19, ul. D. Ulianova, Moscow, 117292, Russian Federation
St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sharonova V. G. Socio-cultural Activities of the Russian Imperial Consulate in Yingkou (China) during the Period of Temporary Russian Administration (1900–1904). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2022, vol. 14, issue 3, pp. 396–414.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.302> (In Russian)

Starting from the mid-1890s, Manchuria came into the sphere of political interests of Imperial Russia in China. From 1896 to 1898, a number of Russian-Chinese agreements were made on mutual cooperation, the construction of the Chinese Eastern Railway, the Russian-Chinese Bank, the lease of Chinese territories, security, etc. Situated on the coast of the Liaohe River in South Manchuria, the city of Yingkou played an important role in this mutually beneficial process. Yingkou, a tractate port, was called the “Gate of Manchuria”, it has been known since 1861 as a center of junk trade and a center of commercial activity. The Russian presence increased here from 1896, and in 1899 a Russian imperial consulate was opened here. The city played a big role in economic and political cooperation during the construction of Port Arthur and Dalian. Starting from 1900, the order of the Russian Temporary Administration was introduced in Yingkou, which significantly strengthened Russia’s position in the region. Diplomats were appointed to the posts of mayors — Russian consuls in the port city: A. N. Ostroverkhov and V. F. Grosse. Among the many questions associated with solving diplomatic, commercial and organizational issues were issues of socio-cultural activities. The article describes details and analyzes the measures initiated and carried out in Yingkou, mainly at the expense of Russian funds, connected to the anti-epidemiological situation, the fight against plague, specific measures to improve the sanitary condition of the city; considers issues related to the improvement of urban infrastructure, security and social sphere; speaks about the opening of the Russian-Chinese school and its importance for the promotion of the Russian language in China. The article uses a large number of archival sources which are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Russia, South Manchuria, Yingkou (Newchwang/Newzhuang), Temporary Russian Administration, Russian Imperial Consulate, mayor, V. F. Grosse, foreign policy, socio-cultural events.

---

* This research was funded by the Russian Science Foundation project no. 22-28-00858 “Russian diplomats in China (second half of the 19th — early 20th Centuries): political and socio-cultural dimensions”, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00858/>.

References

1. Datsyshen V.G. Inkou from the experience of Russian colonialism. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, 1995, no. 4, pp. 78–91. (In Russian)
2. Datsyshen V.G. Russian city Inkou. *Informacionno-analiticheskii portal Pavla Klachkova*. Available at: <http://klachkov.info/node/93> (accessed: 02.06.2021). (In Russian)
3. Salogub Y.L. Organizational and legal foundations of the creation of the Russian administration and police in the open port of Inkou (1900–1904). *Vestnik Sankt-Peterburgskoi Iuridicheskoi akademii*, 2015, no. 3, pp. 46–49. (In Russian)
4. Du Lihong. Jindai Zhongguo difang weisheng xingzheng de dansheng: Yi Yingkou wei zhongxin de kaocha [The Birth of Local Hygienic Administration in Modern China: A Study Centered on Yingkou. *Modern Chinese History Studies*, 2019, no. 04, pp. 114–131]. (In Chinese)
5. *A brief history of Yingkou*. Ed. Han Xiaodong. Shenyang, Liaoning minzu chubanshe, 2019. 300 p. (In Chinese)
6. Romanov B. A. *Russia in Manchuria (1892–1906). Ocherki po vneshnei politike samoderzhavii v vneshnem imperializme*. Leningrad, Leningradskii vostochnyi institut im. A. S. Enukidze Publ., 1928. 608 p. (In Russian)
7. *Russian-Chinese contractual legal acts (1689–1916)*. Ed. V. S. Myasnikov. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 2004. 694 p. (In Russian)
8. Myasnikov V. S. Russia and China: Historical Past, Present and Prospects of Relations (seven features and Seven Models of Relations between Russia and China). *Rossiisko-kitaiskie issledovaniia*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 10–21. (In Russian)
9. Yanchevetsky D. G. *At the walls of motionless China*. St Petersburg; Port-Artur, Izdanie P. A. Artem'eva Publ., 1903. 682 p. (In Russian)
10. Supotnitsky M. V. *Essays on the history of the plague: in 2 vols. Vol. 2: Essays on the foreign policy of autocracy in Foreign Imperialism*. Moscow, Vuzovskaia kniga Publ., 2006. 694 p. (In Russian)
11. Narochnitsky A. L. *The colonial policy of the capitalist powers in the Far East*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956. 899 p. (In Russian)

Sources

- I. The Consulate in Newzhuang. The reports and information about Trading. *Arkhiv vneshnei politiki Imperatorskoi Rossii*. F. 271. Op. 551. D. 1. (In Russian)
- II. Reports from the Consulate in Newzhuang. *Arkhiv vneshnei politiki Imperatorskoi Rossii*. F. 143. Op. 491. D. 325. (In Russian)
- III. About measures against the plague that appeared in Yingkou. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv*. F. 560. Op. 29. D. 65. (In Russian)
- IV. About V. F. Grosse. *Arkhiv vneshnei politiki Imperatorskoi Rossii*. F. 188. Op. 761. D. 1860. (In Russian)
- V. Newzhuang. *Arkhiv vneshnei politiki Imperatorskoi Rossii*. F. 188. Op. 761. D. 836. (In Russian)
- VI. The documents on the expenditure of 4039 rubles 5 kopecks for the fight against the plague on Yingkou. *Arkhiv vneshnei politiki Imperatorskoi Rossii*. F. 271. Op. 551. D. 34. (In Russian)
- VII. Report by Mayor Grosse from Yingkou. *Arkhiv vneshnei politiki Imperatorskoi Rossii*. F. 188. Op. 761. D. 995. (In Russian)
- VIII. About the establishment of the Russian-chinese schools in Tianjin. *Arkhiv vneshnei politiki Imperatorskoi Rossii*. F. 143. Op. 491. D. 312. (In Russian)

Received: April 19, 2022

Accepted: June 8, 2022

Author's information:

Victoria G. Sharonova — PhD in History; vsharonova@mail.ru